
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛА В КИТАЕ И РОССИИ

(Аграрный семинар Интерцентра, МВШСЭН)

Аграрный семинар Интерцентра проводится с начала 1990-х годов среди специалистов-аграрников различных социальных дисциплин. В центре обсуждений семинара находятся коренные вопросы развития российского и мирового села. Материалы семинара периодически публикуются в ведущих российских академических и научно-популярных изданиях. Данный семинар состоялся весной 2006 года совместно с китайскими учеными и был посвящен обсуждению доклада д-ра ист. наук. А.В. Гордона о китайской аграрной реформе. В ходе обсуждения доклада была проведена развернутая дискуссия об общих и особенных закономерностях аграрного развития России и Китая.

Ключевые слова: Китай, Россия, аграрная реформа, сельский менталитет, рынок, крестьянская семья, социальное обеспечение

Никулин А.М., Интерцентр: Уважаемые коллеги! Сегодня мы начинаем наш аграрный семинар совместно с китайскими товарищами, коллегами из китайской Академии общественных наук. В центре нашего обсуждения доклад Александра Владимировича Гордона «Китайский прорыв. Аграрные предпосылки и аграрные итоги». Я скажу несколько слов об этом замечательном ученом. Он является, а это большая редкость в наше время, ученым-энциклопедистом в области общественных наук. Китай — одна из его исследовательских тем: китайское сельское хозяйство, китайская история. Есть также два других стратегических направления его исследований — это русское крестьянство и российская история в целом, а также блок исследований по Великой французской революции, в частности тема взаимодействия французской и русской культуры. Итак, нам предстоит обсудить доклад Александра Владимировича о трансформации китайского сельского хозяйства и китайской деревни, сопоставляя перспективы сельского Китая с перспективами сельской России.

Гордон А.В., ИНИОН РАН: Благодарю за столь любезную аттестацию. Действительно, меня интересуют судьбы крестьянства в современном мире: как крестьянство в ходе трансформации традиционных обществ приспособилось к цивилизации Нового времени, что утратило, что приобрело, что внесло в цивилизационный процесс. Сегодня мы будем говорить о Китае, сопоставляя преобразования в этой стране с отечественными реалиями. Интересно было бы проанализировать также современный опыт такой страны, как Франция, где в 60–70-х годах XX века произошла настолько глубокая аграрная трансформация, что она получила название «второй французской революции». Повсеместно вхождение крестьянства в современную цивилизацию носило и носит драматический характер, и можно задуматься о суммировании международного опыта.

Восторгаясь прорывом крупнейшей крестьянской страны в ряды ведущих держав, от которых зависит динамика общемирового экономического развития, положение на рынках и финансовое состояние глобальной системы, неплохо бы вспомнить, что начиналось все с деревни, с активности обездоленных, измученных постоянными засухами и наводнениями, страдавших от недоедания ее тружеников в июне 1977 года.

Избирательное возвращение к семейному хозяйствованию было вначале воспринято как «послабление» из ряда тех, что применялись время от времени руководством КПК ради выправления экономического положения. Еще в 1980 году в центральных органах КПК газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» можно было прочесть утверждения, что «закрепление производственной ответственности за отдельными дворами» ни в коем случае не является возвратом к единоличному хозяйству, а, напротив, есть средство укрепления коллективного производства. Кадры руководствовались «дачжайской моделью», ориентировавшей на разрешение производственных трудностей массовым подъемом трудового энтузиазма.

Однако уже в 1981 году подряд распространился на плодородные провинции, а к 1983 году система народных коммун рухнула. То, что произошло, можно вполне назвать народным движением или даже крестьянским восстанием. Мудрость партийного руководства выразилась прежде всего в том, что оно не воспрепятствовало этому натиску, постаравшись на местном уровне придать ему черты необходимого порядка и организованности. И это предопределило главную особенность китайских преобразований: у рыночных реформ на первых порах сложилась самая широкая, какую только можно представить, социальная база. В КНР, в отличие от СССР, коммерциализация пришла снизу.

Важнейшим слагаемым успеха аграрных преобразований стало высвобождение огромной трудовой энергии. У крестьянина по меньшей мере вдвое сократилось время, затрачиваемое на необходимый объем

полевых работ¹. К тому же его не отвлекали больше на общественные работы за пределами деревни (в период «большого скачка» 1958–1961 годов они требовали от крестьянина 100–150 рабочих дней в году, явившись одной из важнейших причин крупнейшего в истории страны голода, унесшего более 20 млн жизней). Высвободившееся время и силы были использованы главным образом для производства продуктов, имевших повышенный спрос на свободном рынке. Крестьянин разводил птицу, зарыблял пруды, выращивал овощи и бахчевые. Продажа дополнительной продукции и принесла первоначальный доход крестьянскому хозяйству. Этот прибыток был очень существенен, а в пригородных районах Восточного Китая и весьма обилён.

В среднем, по расчетам, доход крестьянского двора за 1978–1985 годы почти удвоился (от 133,5 до 248 юаней в ценах 1978 года). Уверенно росла и продукция сельского хозяйства, включая зерноводство: валовой сбор увеличился в полтора раза за тот же период [Prosterman, Hanstad, 1990. P. 105]. Основные достижения аграрных преобразований явились непосредственным следствием «деколлективизации». В среднесрочной перспективе ее эффект оказался более скромным. Если в первые годы реформы сельскохозяйственные доходы росли на 10 % в год, то с середины 1980-х – только на 2 %, а в конце десятилетия началась стагнация [Luong, Unger, 1998. P. 68–69]. Одновременно наметилась стагнация в зерноводстве; и зависимость здесь оказывается самой прямой, обнажая первое узкое место реформ. Сохранив за крестьянами обязательные поставки по ценам ниже рыночных и монополизировав рынок зерна, власти КНР подорвали заинтересованность производителей в наращивании сборов урожая.

В китайской деревне стали замечать невиданное явление «ухода от земли»: в малоплодородных районах, где выполнение сельхозпоставок оказывается особо обременительным, крестьяне добивались подчас сокращения своих наделов. Еще более типичным случаем оказался уход от земледелия, причем наиболее распространенным он становился в плодородных провинциях. Разгадка здесь простая – последние расположены в восточных (особенно дельта Янцзы) и юго-восточных районах страны, ставших главным центром экономического роста. В этих прибрежных районах традиционно был выше уровень развития товарно-денежных отношений, поэтому они энергичнее откликнулись на внедрение рыночной, экспортноориентированной и открытой для иностранных инвестиций индустриальной экономики.

¹ С 600 до 300 человеко-дней на гектаре риса и с 400 до 200 на гектаре пшеницы [Aube, 1991. P. 520–521]. В пересчете на стандартный семейный надел 0,5 га экономия означает 250 дней на две культуры; снижение трудозатрат создало, таким образом, предпосылки для перехода к системе двух урожаев. В случае отхода от зерновой специализации к диверсификации экономия рабочего времени оказывалась не менее существенной.

Важнейшей составной частью китайских реформ стала сельская индустриализация. Ее специфика обнаруживается не только в самих масштабах (и в западноевропейских странах мощное развитие сельской мануфактуры предшествовало промышленной революции) и не только в том значении, какое она имела, преобразуя структуру занятости и социальную структуру тех сельских районов, где получила распространение. Главное — это смешанная социально-экономическая природа. Ярчайшее проявление бурного развития рыночной экономики, сельской индустрии генетически остается наследием аграрного социализма в его крайней разновидности народных коммун. В тех случаях, когда производственные фонды последних оказывались значительными, а крестьяне жили несколько лучше, чем в соседних деревнях, возникали производственно-коммерческие объединения жителей («предприятия волостей и поселков» — таково их официальное наименование). Большую роль при этом играли инициатива и деловая хватка лидера. Обычно в этом амплу выступал человек, имевший тесные связи с местной администрацией, а чаще всего ее глава — секретарь деревенского парткома, становившийся наполовину управляющим, наполовину хозяином предприятия¹. Подобный генезис предопределяет предельно авторитарную организационную структуру сельских промобъединений.

В отличие, однако, от народных коммун авторитаризм здесь опирается на рыночную эффективность, ибо принудительную принадлежность к бригаде заменяет материальная заинтересованность. Крестьяне сносят грубость начальства и наращивают трудовые усилия, понимая, что их индивидуальное преуспевание зависит от конкурентоспособности предприятия. Коллективизм поддерживается как традиционно коммуналистскими методами (вплоть до трудовой повинности и даже поголовного охвата регулярными военно-физкультурными занятиями), так и, главным образом, корпоративизмом — преобладающей ролью общественных фондов и их уравнилельно-потребительским распределением: от бесплатных продуктов и жилья до медицинского и пенсионного обеспечения. Работающий в промобъединении не может «выделиться» без потери своей доли в общественных фондах; лишаются ее и девушки, выходящие замуж на сторону. Неизбежно возникающая вынужденная эндогамия усугубляет местную корпоративную замкнутость.

Успех сельской индустриализации, подобно успеху аграрных преобразований в целом, обеспечил использование в рыночных условиях сохранившегося социального и культурного базиса общественного воспроизводства, если коротко — традиционного типа сельхозпроизводителя. И это же обстоятельство становится важнейшим ограничителем

¹ Подобный социальный тип отмечен и в постсоветской деревне (яркий и доверительный автопортрет, см.: [Кочегура, 2001; Никулин, 2002]).

дальнейшего прогресса в аграрной сфере. Общинная сплоченность первоначально представляла силу промобъединений, чувство корпоративной собственности побуждало к интенсивному труду, заставляло делить экономический риск. Теперь, когда требуется переход от трудоинтенсивности к высоким технологиям, общинный корпоративизм становится тормозом. Господствующая система распределения и исключительность корпоративных прав собственности препятствуют пополнению предприятий специалистами, а рост квалификации деревенских жителей заметно ограничен, ибо они (пользуясь сравнительным благополучием) избегают оставлять деревню даже ради учебы. Сопряженная с монополией прав собственности узость круга руководителей оборачивается коррупцией и семейственностью.

Резко изменились и макроусловия. Экономическое преуспевание оказалось уделом пионеров сельской индустриализации. Двинувшуюся за ними массу постигла в большинстве случаев судьба опоздавших. Пионеры насытили опустошенный торжеством огосударствления экономики рынок страны (а заодно России и СНГ) дешевым ширпотребом. Для успеха в новых условиях нужны значительные капиталовложения (экономисты КНР подсчитали, что если в 1984 году на создание одного рабочего места требовалось 1 444 юаня основного капитала, то в 1994 году — 5 503). Соответственно сокращается привлечение рабочей силы: в 1996 году на предприятия местной промышленности поступили 6,5 млн человек, в 1999 году — менее 3 млн [Китайская деревня... 2001. С. 77].

Очевидно, что ресурс поглощения избыточной рабочей силы в деревне на путях сельской индустриализации близок к исчерпанию. А это влечет за собой многообразные и очень болезненные, как для самой деревни, так и для политики рыночных реформ, последствия. Закрывается наиболее надежный и социально безопасный канал экономической мобильности, наиболее дешевый для государства и, благодаря инициативе снизу, наиболее эффективный путь смягчения сельской бедности. Выдвинутый руководителями КПК курс индустриализации без урбанизации оказывается под вопросом. Экономисты и социологи КНР, отдавшие дань увлечению «спецификой», теперь все чаще приходят к выводу о неизбежности урбанизации¹. Подобно тому как было в индустриальных странах в прошлом, за сельской «протоиндустриализацией» наступает время «исхода», то есть массовой миграции в города, которой власти КНР при Мао Цзэдуэ всеми способами пытались противостоять из-за перенаселенности последних.

¹ Вот характерный вывод: «Урбанизация — единственный путь поглощения избыточной рабочей силы деревни, повышения доходов крестьян и преобразования сельской общности» [Li Peilin, 2002. P. 7].

Корень многих сельских проблем следует искать в социально-экономическом «дисбалансе» (как это называют экономисты КНР) — разрыве между сельскохозяйственными доходами и доходами в других секторах экономики. Прежде всего это выражается в нарастании неравенства между городом и деревней. Заметно сократившееся в начале реформ, оно стало стремительно увеличиваться в 1990-х годах, когда их центр переместился в городскую индустрию. В 1997–2003 годы доходы горожан росли вдвое быстрее доходов крестьян, в результате чего неравенство достигло тройного уровня, а с учетом социальных льгот, которыми пользуются только горожане, — шестикратного [Китай... 2005. С. 301; Dreyer, 2004. P. 236–237].

Еще, пожалуй, острее дисбаланс ощущается в самой аграрной сфере. Уже после первого пятилетия реформ рост доходов в деревне происходил главным образом за счет несельскохозяйственной сферы. В результате сложилось крайнее неравенство между районами и отдельными деревнями, активно вовлеченными в промышленный бум, и теми, кто исключительно или по преимуществу занят сельским хозяйством. Такое неравенство принимает самые причудливые формы, когда, например, уроженцы бедных деревень работают на полях у жителей богатых деревень, а те заняты исключительно в промышленности или сфере услуг. Возможны и иные формы закабаления бедных деревень, вплоть до «аннексии» (под видом аренды) их земли.

Прямым следствием «дисбаланса» становится растущее отчуждение сельскохозяйственных угодий. Пользуясь унаследованным ими от системы коммун или узурпированным (из-за юридической неразработанности категории земельной собственности) правом распоряжаться коллективной землей, местные власти охотно предоставляют ее под городскую застройку и так называемые зоны развития — объекты промышленности и сферы услуг. Крестьяне лишаются важнейшего экономического ресурса, получая неэквивалентную компенсацию, что вызывает их сильнейшее недовольство и протест¹, а страна теряет дефицитную пашню. К 1996 году потери составили 4 % обрабатываемой площади, ежегодное отчуждение сельскохозяйственной земли достигает 218 тыс. га [Но, 2001. P. 395] и сейчас уже по оценкам доходит до 10 % — самое наглядное выражение ущерба, который понесло сельское хозяйство от экономического рывка страны. Центральные власти пытаются

¹ По подсчетам экономистов КНР, 60–70 % средств от продажи прав землепользования в среднем по стране достается администрации уездов (которая 40–60 % полученных сумм переправляет подчиненным ей властям) и волостей, 25–30 % оказывается в распоряжении деревенского руководства и лишь 5–10 % получают крестьяне [Guo Xialin, 2001. P. 424]. Го Сялинь ссылается на статью Вэнь Тичжуня и Чжу Шоуиня «Первоначальное накопление капитала местными властями и земельные проблемы в условиях ускоренной урбанизации» в «Цзинцзи яньцзю», 1996. № 1. P. 20–25.

бороться с так называемым «произволом на местах», но местные чиновники не без основания ссылаются на стратегический курс КПК, освященный именем Дэн Сяопина и поставивший экономический рост во главу угла.

Претворение этого курса местной администрацией привело к несоизмерному в бедных районах увеличению различных сборов с крестьян, в результате чего возникла проблема налогового бремени крестьян. Крестьянские платежи на создание экономической инфраструктуры и строительство культурных объектов, заодно с регистрационными сборами и крупными штрафами за различные провинности (чаще всего нарушение программы регулирования рождаемости), в несколько раз превысили ставку официального налогообложения, установленную на уровне 5 % от крестьянского дохода.

Крестьяне считают, что дело самих властей выискивать деньги на подобные проекты. К тому же львиная доля изымаемых средств идет на административные нужды, которые возрастают с ростом численности чиновников и увеличением их доходов. Соответственно возрастают раздражение крестьян и ощущение ими происходящего как социальной несправедливости. Как важнейший источник социального протеста в реформируемой китайской деревне новое «крестьянское бремя» проявило себя в 90-е годы. Именно это время бурного подъема экономики ознаменовалось мощными крестьянскими выступлениями.

В 1993 году ЦК КПК зафиксировал свыше 6 тыс. массовых акций в сельской глубинке: в 830 из них приняли участие более 500 человек, в 78 — более 1 000, в 21 — более 5 000. От рук восставших пострадали 8 200 человек, ущерб превысил 200 млн юаней, при подавлении погибли 385 человек. Осенью 1995 года крестьянские выступления охватили 22 уезда провинций Шаньси, Хэнань и Хунань. Следующая волна прошла в конце 1996 — начале 1997 года; в мае-июне 1997 года в провинциях Хубэй, Хэнань, Аньхой и Цзянси восстали полмиллиона крестьян. Они захватывали резиденции партийных органов, громили административные учреждения, помещения служб безопасности и внутренних дел, банки, жгли автомобили. В провинции Цзянси объектом нападений стали снабженческие кооперативы и торговые организации, из помещений которых крестьяне забирали удобрения и цемент. Особой остротой отличалось выступление в провинции Аньхой, где крестьяне захватили товарный поезд, в столкновении с охраной погибли 11 человек, включая пятерых охранников; в двух уездах этой провинции крестьяне захватили склады с оружием. Трое погибли и 54 человека были ранены во время демонстраций в провинции Хэнань ¹.

¹ Краткий обзор крестьянских выступлений 90-х годов см.: [Bernstein, Lü Hiaobo, 2000; O'Brien, 2002; Béja, 2004].

К концу 1990-х годов волна подобных волнений спала, но с милле-ниумом, судя по отдельным сообщениям, начинаются новые выступле-ния, центрами которых становятся уже не бедные провинции Запада и Центра, а преуспевшие на ранних этапах преобразований и более раз-витые районы Юго-Востока. Меняются и мотивы крестьянского недо-вольства, главным из которых становится со всей очевидностью изъятие сельскохозяйственной земли под городское строительство, ее фактиче-ская экспроприация у крестьян государственной властью.

Каковы перспективы преодоления возникших трудностей? Могут предположить, что в ближайшем времени они будут нарастать. В эконо-мику роста активно вовлечена небольшая часть сельского населения, примерно 8,5 % семей, доходы которых, по официальной статистике, значительно превышают средний уровень [Китай... 2005. С. 295]. У дру-гих категорий на достижительную мотивацию увеличения знаний, ум-ний, эффективности накладывается традиционная трудопотребитель-ская логика, ориентирующая на обеспечение натуральных семейных потребностей наличными средствами ¹.

Одновременно сдерживается развитие «эффективных хозяйств». Существуют (в отличие от советской практики времен нэпа) различные знаки поощрения их деятельности; преуспевающие хозяева избавлены от призрака «раскулачивания», который самым радикальным образом блокировал рост сельскохозяйственного производства при нэпе, но при этом предельно ограничены возможности расширения хозяйства (от-сутствие рынка земли не компенсируется допущением аренды, рас-пространение которой невелико, поскольку для бедноты надел нередко остается последним ресурсом выживания).

Стандартный земельный надел 0,5 га в 10 раз меньше оптимально-го ² (и к тому же разделен на 8–10 участков). Под давлением громадного аграрного перенаселения китайская деревня остается царством мелко-земелья, что становится едва ли не решающим препятствием для разви-тия «зеленой революции». Из всех слагаемых «зеленой революции» в большинстве сельских районов Китая уверенно прогрессирует лишь рассчитанная на быстрый эффект химизация – применение минераль-ных удобрений, гербицидов, инсектицидов. Поскольку крестьяне объективно не могут или избегают вкладывать свои сбережения в землю, аграрная сфера лишается внутренних накоплений. Крестьянские на-

¹ В свое время эту традиционную логику крестьянского хозяйствования определил А.В. Чаянов популярной до сих пор в крестьяноведении формулой «трудо-потребитель-ского баланса». При всех издержках она остается необходимым отправным пунктом [Гор-дон, 1999].

² Хозяйственный оптимум 79 му (современный надел 8 му) был определен специалистами, проводившими полевые исследования в 1930-х годах, в условиях естественной социаль-но-экономической дифференциации.

копления выводятся из сельского хозяйства, особенно в сферу услуг, или вообще уходят из деревни. Аграрное перенаселение сдерживает и рост производительности труда. Модернизация неизбежно принимает однобокий характер со всеми вытекающими последствиями. Острейшей проблемой становится экология – от общей деградации природной среды до нехватки водных ресурсов для собственно сельского хозяйства.

Среди отечественных специалистов существуют различные и даже прямо противоположные оценки хода и перспектив аграрных преобразований в Китае. Деревня КНР уже «имеет немало потенциальных черт нового постиндустриального (посткапиталистического) строя», что сулит ей «дальнейшее безболезненное развитие», – полагает один из оптимистов [Салицкий, 2001. С. 95]. «Безболезненность» эволюции китайской деревни на путях формирования агропромышленного комплекса прогнозируют и некоторые другие авторы [Китай... 1999. С. 224]. Существуют более осторожные оценки: пишут о «неполноценности субъектов рынка» и «полунатуральности» крестьянских хозяйств, о истинне историческом дуализме китайской экономики, опирающейся на трудносоемстимые типы общественного воспроизводства, указывают на общее отставание деревни и сохранение в ней черт традиционного общества [Курбатов, 1996. С. 189, 193; Бони, 2005; Китай... 2005. С. 300]. Вопрос, таким образом, остается открытым. Ясно, мне кажется, одно – преобразование существующего аграрного базиса в виде традиционного семейного хозяйства, трудоинтенсивной технологии и административно-корпоративного землевладения будет длительным и сложным.

Никулин А.М.: Более того, сами по себе валовые сборы уменьшаются, насколько я знаю. Сокращаются именно из-за тех факторов, которые вы перечислили.

Линь Ган, Институт экономики Академии общественных наук Китая: Я занимаюсь экономической историей, и меня интересует проблема взаимодействия промышленности и сельского хозяйства, города и села, трансформация взаимоотношений в крестьянской среде. В целом то, что вы говорили, соответствует моим представлениям о китайской деревне. Я смотрел материалы по трем провинциям с разными типами производственной специализации: в провинции Хунань – зерновое производство, Чжэцзян – производство томатов, Хэбэй – развитая в сельской местности промышленность. В последних двух провинциях проблема для крестьян стояла так: или заниматься сельским хозяйством, или идти работать где-то на стороне, заниматься отходничеством. Но это ведет к разрушению прежней семьи. Бывает так, что или только старшее поколение остается в деревне, или кто-то из супругов уезжает, а другой остается. Это наблюдается в тех деревнях, где нет или где мало развита промышленность. В той сельской местности, где есть промышленность, там удельный вес доходов от промышленности в семейном бюджете весьма значителен.

Однако промышленность в деревне несет такое неприятное для деревни явление как нагрузка на экологию. Это, в свою очередь, ведет к невосполнимым потерям от нарушения экологии для естественной среды этих деревень. Например, плохая вода: по ряду показателей предельно допустимые нормы токсических веществ в ней значительно превышены. Как пить такую воду?! Из реки пить воду нельзя, в артезианских скважинах вода не соответствует стандартам. Увеличивающийся рост различного рода болезней, опухолей также связан с ухудшением окружающей среды. То есть, с одной стороны, ограничиваться развитием сельского хозяйства нельзя, с другой стороны, развитие промышленности ведет к таким негативным последствиям. Один из выходов – это урбанизация. Часть крестьян надо сделать рабочими.

Линь Ган: Урбанизация ведет к занятию сельскохозяйственных площадей, которые уменьшаются. К этому добавляется проблема избыточной рабочей силы в городах. И еще земля при такой эксплуатации становится невосполнимым ресурсом, самым дорогим, возникает конфликт между отношениями продовольственной безопасности и развитием промышленного производства. Хорошая земля идет под развитие промышленности. Последняя же направлена, в основном, на внешний рынок, а если что-то случится, если промышленность «прогорит», то что делать крестьянам, земли-то уже утеряны, чем их восполнить? Такая же проблема возникает с ограниченностью энергоресурсов в Китае, поскольку промышленность в них активно нуждается; проблема устойчивого развития Китая основана на использовании энергоресурсов, а их не хватает. Сейчас в Китае много говорится о том, что раньше промышленность и сельское хозяйство были тесно связаны, дополняли друг друга, а сейчас этого нет. Это очень большая проблема – соотношение промышленности и сельского хозяйства, как в масштабе страны, так и отдельных регионов.

Лю Сяохуэй, Институт экономики Академии общественных наук Китая: У нашего докладчика очень свежий взгляд на проблемы китайской деревни. В докладе удалось ухватить наиболее важные проблемы, что особенно важно, поскольку все-таки 60 % населения Китая живет в деревне. Когда называют в Китае показатели роста ВВП или динамику и движение валютных резервов, то очень важно посмотреть, что происходит на их фоне с многомиллионным крестьянством.

Сейчас наметился очень большой разрыв в доходах между городским и сельским населением, и он все время увеличивается. В начальный период реформ мы это объясняли так называемыми «ножницами цен», были очень низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. Но сейчас это уже не вопросы цены этой продукции, особенно в эпоху быстрой урбанизации, а цена ресурсов, земли. Мы знаем, что есть два рынка земли в Китае. Коллективная земля в деревне и государственная в городе. В процессе обмена государство может изымать земли крестьян,

решая этот вопрос неравноправно. Происходит отчуждение земли. Крестьяне, которые в процессе урбанизации вынуждены отдавать свои земли, не получают должной компенсации, с одной стороны. С другой стороны, они теряют землю. Где-то 60 млн крестьян потеряли землю на основе недостаточной выплаты, незначительных сумм компенсаций. В результате, земля ушла из сельского хозяйства. Проблема потери крестьянством земли стала одной из самых острых крестьянских проблем. Дело в том, что роль земли для китайского крестьянина совсем не такая, как для любого труженика, поскольку земля – это и средство к существованию, и единственная возможность выхода на рынок, и вообще форма жизни. Говоря о китайском крестьянстве, следует иметь в виду, что в процессе обмена и других отношений между городом и деревней права крестьян стали малы, их практически нет, они отсутствуют.

Ван Лин, Институт экономики Академии общественных наук Китая: Спасибо, что вы нам, китайцам, преподали урок того, как надо исследовать китайскую деревню. Я предложу свой взгляд на проблему с точки зрения формирования и использования бюджета. У нас три уровня бюджета – федеральный, провинциальный и городской. Однако под этими тремя есть еще уезд и деревня, как бы еще два уровня. Долгое время у нас налоги с крестьян были важнейшим источником бюджета, они составляли от 30 до 50 млрд юаней. Это были большие поступления в бюджеты. Сложность состояла в том, чтобы, поскольку деньги большие, их сбалансировать с численностью чиновников, которых также много. На содержание чиновников идет значительная часть денег, которых у государства не хватает. В результате это ложится на крестьян тяжким бременем.

Правительство уже обратило внимание на это положение, и налоги, идущие на содержание чиновничьего аппарата, постепенно начинает сокращать. В течение 5 лет крестьянство должно быть от них освобождено, поскольку налоги с крестьян предполагается убрать. Уже в 30 провинциях нет подобных налогов. Соответственно, происходит реорганизация органов управления в тех деревнях, где налоги устраняются. Суть дела заключается в том, что пять-шесть деревень объединяют в один уезд, укрупняется административная территория, административные органы ликвидируются, количество чиновников сокращается. В результате сейчас несколько снижается нагрузка на крестьян.

Важным фактором современного положения на селе является создание системы страхования. И правительство, и сами крестьяне создают фонды страхования с долевым участием. Раньше крестьяне сами платили за больницы, образование. Сейчас введено государственное, бесплатное для крестьян, девятилетнее образование на селе. Все эти три меры – снижение налогового бремени, страхование, бесплатное образование – позволяют снизить налоговую нагрузку на крестьян. Почему в 90-е годы были такие высокие темпы роста доходов крестьян? Здесь уже говорилось

об этом, говорилось также и о том, что возможности такого роста уже в основном исчерпаны. И реформа в 90-е годы переместилась в города. Раньше госпредприятия рассматривались как бремя для бюджета. Людей было много, работали неэффективно. Долгое время было четкое разделение – деревня это одно, город это другое. С конца 90-х годов эту проблему осознали. Если раньше была политика разделения города и деревни, то постепенно политика в этом вопросе стала сближать город и деревню, и проблема стала разрешаться. Реорганизация государственных предприятий этому способствовала. Даже большие города (Пекин, Шанхай) стали поощрять привлечение сельской рабочей силы. Но проблему развития сельского хозяйства, на мой взгляд, уже сейчас нельзя рассматривать изолированно от города, ее надо решать в связи с развитием городов.

Краснослободцев В.П., географический факультет МГУ: В прошлом году удалось участвовать в работе по анализу ситуации в пригородной зоне Хабаровска. Выяснилась следующая картина. Когда в начале 90-х годов производство сельскохозяйственной продукции в России существенно сократилось, а сельское хозяйство оказалось заброшенным, прилегающие к российской территории районы Китая переориентировались на их снабжение китайской сельскохозяйственной продукцией. Сейчас основная часть овощей и мяса, продающегося в Хабаровске, производится и привозится из Китая.

В конце 90-х – начале 2000-х наметилась другая тенденция, а именно интенсивный приток крестьян для проживания и работы в пригородах Хабаровска. Одна из главных причин перемещения китайских крестьян на российскую территорию связана с тем, что в этих перенаселенных районах Китая почвы стали экологически не пригодны к сельскохозяйственному использованию. Однако значительного переселения китайцев на российскую территорию не произошло в связи с исключительной китаефобией как у местного руководства, так и у населения. И в середине 2000-х наметилась тенденция к обратному оттоку крестьян в Китай.

Никулин А.М.: Системному анализу общих и отличных аграрных проблем двух великих стран нужно было бы посвятить дополнительный семинар. Тем не менее давайте попробуем сформулировать что общего и в чем различия между сельским Китаем и сельской Россией.

Ясно, что в России имеется огромная территория, на которой находится 40 млн сельского населения, а в Китае, кажется, до сих пор имеется 650 млн крестьян. При этом существует громадная проблема региональная. Можно утверждать, что не существует единой сельской территории двух стран. Но существует, по крайней мере, десятков, а то и более сельских России и сельских Китаев. Одни сельские территории недонаселенные, другие перенаселенные. Аграрное перенаселение – это, конечно, до сих пор серьезнейшая проблема Китая, но и для юга и центра

России это тоже проблема. В обеих странах явно выделяются бедные и богатые сельские регионы, и социально-экономическая дифференциация между ними в основном увеличивается.

Но мне представляется, основной парадокс, обнаружившийся в нашем обсуждении, заключается в существующей общепринятой точке зрения, что в истории Советской России на протяжении всех ее лет существовал такой негативный естественный отбор, когда люди сильные, трудолюбивые, инициативные, образованные уходили в города, а в сельской местности оставались слабые, пьющие, безынициативные. Отсюда и коренные беды нашего нынешнего сельского хозяйства. А в Китае подобного рода социокультурная депопуляция села не произошла. А парадокс-то заключается в том, что сейчас в массе своей и «ленивому» русскому и трудолюбивому китайцу не видать перспектив. И может быть, здесь следовало бы дополнить эти парадоксальные размышления стратегическими предложениями, что же делать дальше с сельской сферой с учетом имеющихся китайско-российских сходств и различий.

Гордон А.В.: Я думал, что исторически ничего похожего у России с Китаем не было. Одно дело российские 40 млн жителей села, или 27 % всего населения, или китайские 60 %! Конечно, китайский случай ближе к традиционным структурам. Как вы знаете, все революции происходили, когда в стране было примерно 80 % крестьянского населения – Французская революция, Октябрьская революция в России и Китайская революция. Исторически Китай ближе к традиционным обществам, там же сохранился крестьянин, сохранилось крестьянское хозяйство. И когда в Китае распалась коммунальная система, то осталось действительно крестьянское семейное хозяйство. Я помню, когда Теодор Шанин приехал из Китая в 1991 году, он был в восторге от аграрных реформ и считал, что такое же нужно и в России. Он говорил, что надо, мол, сделать то-то и то-то. Я ему отвечал: «Теодор, вы забыли про китайскую семью». Китайская семья, которая вела традиционное хозяйство, сохранилась, а вот русская, увы, не сохранилась. Теперь я слышу от китайских коллег, что китайская семья тоже под угрозой. Это первое. Второе, как я представляю русского крестьянина и китайского, – это разные люди с различным отношением к труду. Вот картинка: едешь в 5 утра – китайский крестьянин уже выходит на поля, начинает темнеть, где-то в 6 часов вечера он идет поливать свои участки.

В 2002 году я трижды проделал путешествие по известному маршруту Москва – Петербург и обнаружил, что наши мужики из малых районных городов работают по-китайски! С утра до вечера. Выяснилось, что нельзя сказать, что кто-то лучше, а кто-то хуже. Однако везде есть проблемы, но везде люди способны работать. В Китае было легче осуществить прорыв или рывок благодаря тому, что китайский мужик не был избалован государственной опекой. Он должен был содержать школу,

больницу, всю систему администрации, страхование, ничего этого не было. И до сих пор системы пенсионного страхования в Китае еще нет, она начинает утверждаться. До сих пор считалось, что семья должна обеспечивать пожилых людей.

В советской российской деревне были формы крупного индустриального производства. Формы, которые объединяли множество людей. А в Китае таких форм не было, и когда распалась коммунальная система, можно было работать традиционными методами. Очень важно, что в России традиционные аграрные районы были одновременно и традиционалистскими, то есть районами, враждебными рыночным отношениям. Проблема «красного пояса» была не типична для Китая. «Красный пояс» — это районы, в которых после антикоммунистической революции 1991 года преобладало коммунистическое руководство. В этих областях традиционно голосовали за коммунистическую партию. А в Китае, наоборот, самые благоприятные районы восточного Китая, Янцзы, начали активно развивать товарное, рыночное производство. И конечно немаловажный фактор, что при всех поворотах в китайском руководстве в сторону рынка или государственного регулирования все-таки преобладающий курс был на развитие рыночных отношений. Стратегия развития рыночных отношений с 1992 года была неизменна. Тогда как у нас были очень серьезные колебания в руководстве в осуществлении рыночных реформ. Что-то надо было делать с этими традиционными районами, которые, в сущности, не хотели работать на рынок, жили за счет коллективных хозяйств.

Кузнецова Т.Е.: Разве при разумной аграрной политике коллективные хозяйства не могли бы ориентироваться на рынок? Вероятно, дело не в типе хозяйства, а в адекватности реформ, их соответствии создавшимся условиям, ведь никто и не пытался коллективные, в том числе крупные, хозяйства ориентировать на рынок, их стали сразу разрушать. На мой взгляд, проблема современного российского сельского хозяйства в значительной степени заключается в том, что принимались какие-то бездумные решения в угоду того, чтобы сделать все наоборот тому, что было.

В Китае, мне кажется, нашли адекватные формы рыночных отношений, а у нас не нашли таких форм. Мы в 1992 году были в Вологде, когда вышел указ Президента Ельцина о разделении имущества и земли крупных сельскохозяйственных предприятий между их работниками. Все это делалось в спешке, не оставляя крестьянству выбора. Люди, по крайней мере, в северной русской деревне не хотели разрушения крупных хозяйств. Они говорили, что уйдут в леса. Их недовольство объяснимо. Во-первых, опять, как и при коллективизации в свое время, всех стригли под одну гребенку, ломая интересы людей через колено, не предлагая возможности выбора (например, преобразования крупного

хозяйства в кооператив или в другую рыночную хозяйственную форму коллективного хозяйства). Нацеленность была только на развитие фермерского хозяйства, которое, прежде всего, хотели организовать с помощью горожан. Горожанам строили дома в селе, снабжали соответствующей техникой, предоставляли льготы, чтобы они показали пример фермерства. А до крестьян, которым ничего похожего не предлагали, дела не было. Им оставалось выживать в условиях идеологического и физического разрушения того, что было, во-первых. Во-вторых, не все жители села получили земельный пай. Значительное число сельских жителей по тем или иным причинам землю не получили. В-третьих, вся сельская инфраструктура была создана и организована под крупные сельскохозяйственные предприятия. Тех имущественных средств, которые были розданы в качестве паев, не хватало, чтобы начать свое фермерское производство. Да и земля была выделена не реально, а номинально. Конкретные участки не были выделены, чтобы их получить, надо было потратить немало сил. Никто не знал, где конкретно его земельный пай, его участок земли. Ясность была только с приусадебным, личным подсобным хозяйством. Оно осталось неизменным и в конце концов стало основным производителем сельскохозяйственной продукции. (Между прочим, личное подсобное хозяйство поначалу развивалось на остатках семьи, на помощи уехавших в город детей, а постепенно все больше способствует возрождению семьи в селе.) При таких условиях фермерство в принципе не могло развиваться в массовом масштабе. Фермерами могли стать и стали только те, кто мог использовать, как начали говорить позднее, административный ресурс. В-четвертых, развитие социальной сферы села было ориентировано на сельскохозяйственные предприятия. Они содержали всю сельскую инфраструктуру. Как только их не стало, полетела вся социальная сфера. В результате, социальные преобразования российского села оказались для него и его жителей разрушительными.

Опыт социальных преобразований на селе разумен и общественно эффективен лишь тогда, когда соблюдается ряд совершенно необходимых условий. Во-первых, должна быть избрана адекватная всему комплексу общественных условий стратегия социально-экономического развития страны. Во-вторых, в этой стратегии должны учитываться глубинные факторы, предопределяющие сельскую форму жизнедеятельности с учетом национальных особенностей и традиций. В-третьих, социальные преобразования на селе должны отражать и синтезировать меняющиеся общественные условия в стране, их соответствие современным мировым тенденциям развития. В-четвертых, не навреди!

В противном случае, как об этом свидетельствует советский и начальный рыночный опыт, перемены на селе оборачиваются хроническим отставанием села от города, сельского хозяйства от потребностей

общества, угрозами продовольственной зависимости страны от других стран, игнорированием ее аграрного потенциала, бедностью населения, резкой социальной дифференциацией, экологическими нарушениями. Вот это и добавилось к тем недостаткам в российском селе, которые были накоплены за годы советской власти.

Интересно, что в Китае сельская социальная и бытовая инфраструктуры стали постепенно создаваться за счет государственных средств и мобилизации средств сельского населения. В современной России все происходит наоборот: наметилась такая тенденция, что все затраты на социальную сферу следует переложить на низовой (муниципальный) сельский уровень. При этом оставляемые и направляемые на эти цели государственные средства совершенно недостаточны, а разруха в сельскохозяйственном производстве не способствует привлечению средств предприятий и населения, которых у населения при таких условиях быть не может, да и само наиболее активное население покидает деревню.

Состояние социальной сферы современного российского села является отражением накопленных противоречий советского периода и неверно избранной стратегией развития страны в годы рыночных преобразований. Стратегия и тактика советского огосударствления всех сторон социально-экономического развития села создали принципы государственного вмешательства во все аспекты сельской жизни, а также социальную инфраструктуру и механизмы ее развития и поддержания. Это способствовало тому, что социальная сфера села развивалась, хотя недостаточно эффективно, замедленно, преимущественно по остаточному принципу. Однако к моменту рыночных реформ она достигла определенного уровня развития и производственной инфраструктуры и социальных отраслей, в целом адекватных сложившемуся сельскохозяйственному производству, а также начавшей развиваться производственной сфере несельскохозяйственных отраслей как важнейшей основы расширения занятости на селе. Этот уровень был низок по сравнению с развитыми странами, тормозил в целом развитие сельской сферы и требовал перемен, но он был.

В 1992 году советские стратегия и тактика были заменены новыми, рыночными, но без четких социальных ориентиров развития общества и без обоснованных и непротиворечивых механизмов практической организации и развития сельской социальной сферы. Государство, вместо того чтобы стимулировать позитивные направления развития производства и социальной сферы, обозначившиеся к тому времени, резко ушло из экономики и социальной жизни общества. Практически для села это выразилось в том, что вся ответственность за его развитие и все функции по его обеспечению и функционированию были переданы с федерального на местный уровень не только без обеспечения этого

уровня финансовыми ресурсами, но и без четких механизмов реализации деятельности этой сферы в развивающихся рыночных условиях.

Сельскохозяйственные предприятия, содержащие ранее сельскую социальную сферу и ответственные за ее развитие, согласно новой социально-экономической политике и принятым государственным решениям, стали передавать на муниципальный уровень объекты социальной сферы и инфраструктуры, независимо от их состояния. В результате социальная сфера села осталась без всякой поддержки, причем без поддержки остались и те объекты, которые требовали срочных капитальных вложений. Муниципальный уровень не получил возможности развиваться как самостоятельный и самодостаточный. Непродуманные и ускоренные преобразования производственной сферы села привели к резкому падению сельскохозяйственного производства, обнищанию сельскохозяйственных предприятий и населения. Наблюдается резкая региональная социально-экономическая дифференциация. С точки зрения регионального развития сложилась парадоксальная тенденция: оказалось, что сельское хозяйство более интенсивно развивается в северных, отнюдь не сельскохозяйственных, а природно-сырьевых регионах, поскольку там есть деньги. В благоприятных природных зонах, в южных регионах, ситуация с сельским хозяйством и с жизненным уровнем сельского населения очень напряженная.

Все это в целом сказывается на условиях жизни сельского населения. Продолжительность жизни сельского населения ниже, чем в городе (65,5 лет) и составляет 63,88 года. Значительная часть сельского населения – малоимущие и бедные. Таковых, по данным социологических обследований, свыше 30 % домохозяйств, причем 35 % малоимущих имеют высшее и среднее специальное образование. Оплата труда в сельском хозяйстве составляет 39 % от средней оплаты труда по стране, 74 % работников села имеют оплату ниже прожиточного минимума. Для 1/3 сельского населения основным источником доходов является доход от личного подсобного хозяйства. Сельская безработица – не ниже 10 %. По данным официальной статистики, в неформальном секторе экономики занято 30,8 % сельского населения. Быстрыми темпами идет процесс исчезновения сельских поселений. За последние 10 лет исчезло 13 тыс. деревень. Развития фермерства, по существу, не происходит. Численность фермеров держится на одном уровне. Таковы результаты того, что крестьянство в очередной раз сломали через колено.

Никулин А.М.: Дорогие коллеги! Мы обсудили несколько глубоко интересных и жизненно важных тем социальной и экономической действительности аграрных сфер России и Китая, сформулировав некоторые сравнительные итоги. Наш семинар подошел к концу, благодаря собравшихся здесь российских и китайских коллег за это плодотворное обсуждение.

Список литературы

- Бони Л. Д.* Рынок в китайской деревне (1978–2004 гг.). Ч. 2. М: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005.
- Гордон А. В.* Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М.: МВШСЭН, 1999. С. 5–25.
- Китай* на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М.: Восточная литература, 1999.
- Китайская* деревня: рубеж тысячелетий: Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2001.
- Китай*: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- Кочегура А. Т.* От колхоза к холдингу. М.: Наука, 2001.
- Курбатов В. П.* Актуальные проблемы КНР: Демография, агросфера, экология. М.: Институт востоковедения РАН, 1996.
- Никулин А. М.* Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // Рефлексивное крестьяноведение / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, 2002. С. 343–373.
- Салицкий А. И.* Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М.: Ин-т востоковедения РАН: ИМЭМО, 2001.
- Auber C.* Investissement – travail et infrastructures agricoles: bilan et actualité des corvées en Chine // Tiers Monde. Paris. 1991. Т. 32. № 127.
- Béja J.-Ph.* À la recherche d'une ombre chinoise: Le mouvement pour la démocratie en Chine (1919–2004). Paris: Editions du Seuil, 2004.
- Bernstein T. P., Lü Hiaobo.* Taxation without representation: Peasants, central and local powers in reform China // China quarterly. London. 2000. № 163.
- Dreyer J. T.* The limits to China's growth // Orbis. Philadelphia. 2004. Vol. 48. № 2.
- Guo Xialin.* Land expropriation and rural conflicts in China // China quarterly. London. 2001. № 166.
- Ho P.* Who owns China's land? Policies, property rights and deliberate institutional ambiguity // China quarterly. London. 2001. № 166.
- Hу Van Luong, Unger J.* Wealth, power and poverty in the transition to market economies // China journal. Canberra. 1998. № 40.
- Li Peilin.* Great transformation: End of the villages // Social sciences in China. Beijing. 2002. Vol. 21. № 1.
- O'Brien K. J.* Collective action in the Chinese countryside // China journal. Canberra. 2002. № 48.
- Prosterman R. L., Hanstad H. M.* China: A Fieldwork-Based Appraisal of the Household Responsibility System, with Recommendations for the Future // Prosterman R. L., Hanstad H. M. and Temple M. N. (Eds) / Agrarian Reform and Grassroots Development: Ten Case Studies. Boulder CO: Lynne Rienner Publishers, 1990.